

Владимир Гиляровский

Поэт Блок

Часть сборника
Москва и москвичи (сборник)

Владимир Алексеевич Гиляровский

Поэт Блок (Люди театра)

«В декабре 1917 года я написал поэму „Петербург“, прочитал ее своим друзьям и запер в стол: это было не время для стихов. Через год купил у оборванного, мчавшегося по улице мальчугана-газетчика „Знамя труда“, большую газету на толстой желтой бумаге. Дома за чаем разворачиваю, читаю: „Двенадцать“. Подпись: „Александр Блок. Январь“...»

Владимир Гиляровский

Поэт Блок

В декабре 1917 года я написал поэму «Петербург», прочитал ее своим друзьям и запер в стол: это было не время для стихов. Через год купил у оборванного, мчавшегося по улице мальчугана-газетчика «Знамя труда», большую газету на толстой желтой бумаге. Дома за чаем разворачиваю, читаю: «Двенадцать». Подпись: «Александр Блок. Январь».

А. А. Блока до этого я видел только раз в «Славянском базаре», в компании с молодыми людьми. Они проходили мимо нас к выходу, и среди них я невольно залюбовался Блоком. Сюртук ловко сидел на его фигуре, и его свежее лицо показалось мне знакомым: где это я его видел? Лицо, глаза и рамка курчавых волос, будто с портрета Байрона, пластические движения стройного тела – все вместе напоминало мне кого-то близкого.

Проходя мимо нас, он бросил взгляд на наш стол, но мысли его были где-то далеко, он нас не заметил, и эти глаза цвета серого моря подтвердили, что они мне знакомы. Да где же, где я его видел? Так и не припомнил!

Прочитав газету, я ее передал моей молодежи, поклонникам Блока. Когда они начали

читать вслух стихи, я был поражен, а когда прослушал все – я полюбил его. И захотелось мне познакомиться с Блоком.

* * *

Выйдя из Дома Герцена, весь полный впечатлений, я присел на холодную мраморную ступеньку пьедестала пушкинского памятника, присел и задумался.

Это было ночью девятого мая 1921 года. В серьезные минуты жизни всегда приходят на память какие-нибудь мелочи из прошлого. В пластунских секретах, под самой неприятельской цепью, когда я собирался снять противника, мне вспоминались солдаты-статисты, которые в «Хижине дяди Тома» сняли парики из вязанки, думая, что шапки. В Сербии, когда мы от неминуемой казни, вместе с одним товарищем, в грозовую ночь, по крутым улицам Белграда, обращенным ливнем в горные потоки, пробирались к Дунаю, чтобы переплыть из Сербии в Венгрию, я радовался тому, что успел захватить табакерку, и угощал его табаком, а он отмахивался:

– До табакерки ли теперь!

А она мне всего дороже была в тот миг. И

сейчас, сидя под памятником, вспоминалась зимняя лунная ночь в 1882 году в Москве.

Возвращался я с дружеской пирушки домой и вижу возню у памятника. Городовой и ночной сторож бьют плохо одетого человека, но никак с ним сладить не могут, а тот не может вырваться. Я соскочил с извозчика, подлетел, городского по шее, сторожа тоже. Избиваемый вырвался и убежал. Сторож вскочил – и на меня, я его ткнул головой в сугроб. Городовой, вставая, схватился за свисток – я сорвал его у него с шеи, сунул в свой карман, а его, взяв за грудь шинели, потряхнул:

– За что вы били человека? – а сам тряс.

Голова его то на грудь, то к спине. Сторож вылезает из сугроба. Все это дело одной минуты. Обеими руками городской ухватился за мою руку, но тщетно.

– За что? – спрашиваю. – Я сейчас поеду к Александру Александровичу, он мой дядя... Вон у него огонь в кабинете. Я сейчас от него.

Слова эти произвели эффект невероятный. Племянник Козлова, обер-полицмейстера!

– Вашекобродие, простите! Свисточек-то пожалуйста мне, – умоляет вытянувшийся го-

родовой.

Сторож подходит, слышит мирный разговор, видит, как я возвращаю свисток.

– Ты знаешь, кто они? Так что вот вроде Пушкина, – и показал рукой на памятник.

– Ты разве знаешь, что я поэт? – обрадовался я своей неожиданной популярности: я только что начал печататься.

– Как же-с! Прямо-таки Пушкин!.. Рука-то чугунная!

Я тогда жестоко был обижен в своей поэтической гордости.

* * *

Это воспоминание опять меня вернуло в Дом Герцена, к только что пережитым минутам.

В те огненные времена было не до поэзии, а я все-таки думал напечатать «Петербург», предварительно прочитав его Блоку. Это был законный предлог повидаться с ним, это было моей неотвязной мечтой. Только в 1921 году я познакомился с ним, но весьма мимолетно.

Девятого мая 1921 года возвращаюсь откуда-то поздно вечером домой. Тверским бульваром. Большие окна Дома Герцена по обык-

новению ярко освещены. Я отворил дверь в зал Союза писателей в то время, когда там гремели аплодисменты.

– Кому это? – спрашиваю.

– Блок читает!

– А!..

Блоку безумно аплодировали. Он стоял в глубине эстрады. Я ринулся в гущу толпы, желая во что бы то ни стало пробиться к нему, послушать его и познакомиться. Лучшего случая не найдешь! Решил – значит, пройду, пусть меня бьют, а я пройду.

Мой желтый кожаный пиджак, выдавший виды, остался без пуговиц; но будь пиджак матерчатый, я бы на эстраду попал полуголый.

Я подходил к эстраде, когда Блок читал. Публика, храня тишину, слушала; я безмолвно вдавливался между стоящих, неотразимо лез вперед, без звука. Меня пихали ногами, тыкали иногда мстительно в бока и спину, отжимали всем корпусом назад, а я лез, обливаясь потом, и, наконец, был у эстрады.

Блок стоял слева у окна, в темной глубине, около столика: за публикой, стоявшей и си-

девшей на эстраде, я не мог его видеть.

Я остановился с правой стороны у самой стенки, плотно прижатый.

Втискиваю голову в чьи-то ноги на эстраде, поднимаюсь, упершись на руках, вползаю между стоящих, потратив на этот гимнастический прием всю силу, задыхаюсь, прижимаясь к стене. За толпой его не видно. Натыкаюсь у стены на обрубок, никем, должно быть, не замеченный. Еще усилие – и я стою на нем, выше всех на голову.

Офелия моя! —

услыхал я слова.

В черном сюртуке, единственном во всем зале, опершись на спинку кресла красного дерева кистями обеих рук, белых-белых, стоит передо мной Вольский.

Он читает, чуть шевеля губами; но каждое слово, переходившее иногда в полусшепот, ярко слышно.

Ни одного жеста, ни одного движения. А недвижные глаза, то черные от расширенных зрачков, то цвета серого моря, смотрят прямо в мои глаза. Я это вижу, но не чувствую его

взгляда. Да ему и не надо никого видеть. Блок читал не для слушателей: он, глядя на них, их не видел.

Блок не читает: он задает себе вопросы и сам себе отвечает на них.

Я смущен. Ведь это же Федор Каллистратович Вольский. Это он читает из «Гамлета»... И те же руки белые на спинке красного кресла, и черный сюртук... те же волосы... взгляд... как тогда.

Но где же губернаторский зал? Мундиры, шелка, бриллианты? А глаза чтеца ищут ответа невозможного. Едва движущиеся губы упорно и трогательно спрашивают:

Зачем, дитя, ты? – мысли повторяли...

Зачем, дитя? – мне вторил соловей,

Когда в безмолвной, мрачной, темной зале

Предсталась тень Офелии моей...

И, бедный Гамлет, я был очарован,

Я ждал желанный, сладостный ответ.

– Нет, это не Вольский... Это сам Гамлет... живой Гамлет... Это он спрашивает: быть или не быть?

*Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда...*

Тогда в его глазах на один миг сверкают черные алмазы. И опять туман серого моря, и опять то же искание ответа. Это Гамлет, преображенный в поэта, или поэт, преображенный в Гамлета. Вот на миг он что-то видит не видящим нас взором и говорит о том, что видит. Да, он видит... видит... Он видит, что

*Офелия в цветах, в причудливом
уборе
Из майских роз и влажных нимф
речных
На золотых кудрях, с безумием во
взоре,
Внимала звукам темных дум сво-
их.
Ее дыханьем насмерть поражен-
ный,
Припал к устам, как раненый
олень,
Прекрасный принц Гамлет, любо-
вью опьяненный,*

*Когда пред ним отца явилась
тень...
Он вскрикнул и воскрес...*

И Вольский... и Гамлет... и поэт Блок – все перемешалось в моем представлении... Потом исчез Вольский... Потом Блок и Гамлет слились воедино...

Цикл Офелии кончился – аплодисменты гудели, а он читал, читал, читал, читал... Русь... Степи...

Бледный... измученный... Он уже при самом начале аплодисментов поднимал свою красивую белую руку:

– Молчите, я еще не все сказал, я еще не договорил...

И начинал читать. И читал. Одно после другого, разное, без заглавий, совершенно противоположное. Чувствовал ли он, что в последний раз говорит перед Москвой?...

Иногда аплодисменты заставляли его просыпаться от этой лирической летаргии, и маска лица то освещалась черными алмазами зрачков, то опять потухала.

Он читал из отдельных стихотворений, импровизировал отдельные строки, будто от-

вечал на какую-то общую связь дум своих, в
искании ответа невозможного, глядя в грядущее...
Забывался на эти минуты Гамлет...

И вдруг:

*Тебя, Офелию мою,
Увел далеко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.*

Блок слился опять с Гамлетом. Для меня
навсегда.

Зал гремел и стал еще теснее. Публику с
эстрады попросили сойти, дать воздуху.

Утомленный, бледный, опустился поэт на
жесткое кресло, но вскоре оживился. Я успел
пробиться и встать за его креслом. Нас около
Блока было немного. Глаза у Блока еще уста-
лые, но уже совсем другие, не такие, как за
минуту назад, во время чтения, смотрели
внимательно.

Вот в это-то время и познакомил нас, по
моей просьбе, П. С. Коган. Рука Блока была го-
рячая, влажная. Он крепко пожал мою.

– Я вас сразу узнал по портрету в журнале
«Геркулес». В то время я увлекался гимнасти-
кой, хотел быть сильным. – Глаза его оживи-

лись. Он говорил со мной дружески, будто со старым знакомым. – Мне тогда о вас Брюсов говорил... Он рассказывал, что вы очень сильный, что вы по Москве ходите с железной палкой почти в полпуда весом, говорил, что Пушкин также с такой палкой ходил в Михайловском и, развивая силу, жонглировал ею.

Я успел с восторгом упомянуть о его «Двенадцати», рассказать о своем «Петербурге» и о желании прочитать ему поэму.

– Осенью я обязательно буду в Москве, и мы с Петром Семеновичем (Коганом) – я останавлиюсь у него – с вами повидаемся и почитаем, – ответил он, помолчав.

Я подал ему свою книжку, карандаш, и он мне широким, ясным почерком написал:

*Как часто плачем вы и я
Над жалкой жизнью своею.*

Александр Блок, 1921 г.

Этой гамлетовской фигурой как бы заканчивается для меня галерея промелькнувших более чем за полвека людей театра. От неизвестных перелетных птиц, от случайных об-

ликов до таких вершин, как В. Н. Андреев-Бурлак, А. И. Южин, К. С. Станиславский и М. Н. Ермолова.